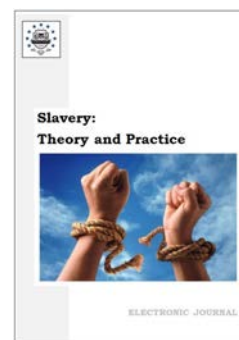

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Slavery: Theory and Practice
 Issued since 2016.
 E-ISSN: 2500-3755
 2025. 10(1): 25-43

DOI: 10.13187/slave.2025.1.25

<https://stp.cherkasgu.press>

An Attempt at Deceiving Orenburg Authorities by a Member of Nomadic Elite: Report of Imam Ismagil Urazmukhametev about His Role in Rescuing Subjects of the Russian Empire from the Steppe (1818)

Artyom Yu. Peretyatko ^{a, b, *}^a Cherkas Global University, Houston, USA^b Volgograd State University, Russian Federation

Abstract

The article is dedicated to problems of communication between Orenburg authorities and members of elite of the nomadic world in the first half of the 19th century in the context of struggle against slavery in Central Asia. The main sources are the report of imam Ismagil Urazmukhametev and the answer on it by the Orenburg Border Commission, both until now not included into scientific circulation.

The article shows that I. Urazmukhametev addressed Staff Commander of the Separate Orenburg Corps G.P. Veselitskii with an extensive report where he described in details his achievements in rescuing Russian Empire subjects from the Steppe (both runaways and slaves) and generally presented himself as the single member of nomadic elite loyal to the Empire. On those grounds he requested to be provided with a whole series of privileges (salary, personal muezzin etc., to the point of being ready to lead a squad of Cossacks into the Steppe). Meanwhile, most of I. Urazmukhametev's achievements even in his interpretation didn't amount to any real consequences and were coming down to him unsuccessfully trying to help runaways and slaves return to Russia. An exception was his supposed rescue of 18 people from Bukhara, but Orenburg Border Commission noted that in reality those people were brought back by Bukharan merchant N. Faizhanov. As a result, Orenburg authorities came to conclusion that I. Urazmukhametev was lying in an attempt to gain privileges from the Russian Empire, and answered to imam in a rather harsh manner about most of his requests being unacceptable.

Archival search in the materials of the Joint State Archive of the Orenburg Region shows that the case of I. Urazmukhametev isn't unique. Thus, starshina T. Aukov, too, tried to receive reward for taking people out of Bukhara, whom he didn't really rescue. Khan of Younger Dzus Sh. Aishuakov tried to slander starshina T. Chudin for rescuing a Russian officer from captivity, whom Khan himself wanted to rescue. On the other hand, there were also cases of unwarranted accusation of members of nomadic elite by Russian officials: for example, certain biy Baimukhammet, who took part in liberating several slaves, was then unfoundedly detained on suspicion of conspiring with slave-traders to raise the price for other slaves.

All this allows to say that among the members of nomadic elite were persons, whose attitude towards Russian Empire was extremely peculiar: they tried to demonstrate loyalty to it while in fact pursuing their own goals and not stopping at lying and slandering their fellow tribesmen and co-religionists. That, in turn, was amplifying xenophobic attitude already present among the Orenburg

* Corresponding author

E-mail addresses: ArtPeretatko@yandex.ru (A.Yu. Peretyatko)

authorities. As a result, this whole situation complicated the rescue of slaves of Russian descent from the Steppe.

Keywords: slavery, Central Asia, Russian Empire, communication practices, P.K. Essen.

1. Введение

В одной из своих предыдущих статей мы описали любопытный казус, случившийся в Центральной Азии в 1813 г. Лояльный Российской империи султан Среднего Жуза Сеит-Али Нур-Алиев предложил свои услуги по вывозу из Бухары подданных Российской империи, причем, судя по контексту, он имел в виду разного рода беглых людей, для которых просил даже исходатайствовать прощение у самого Александра I (Peretyatko, 2024: 10-11). Однако оренбургские власти поняли его неверно, решив, что он, помимо этого, желает помочь в освобождении содержащихся в Бухаре рабов российского происхождения («пленных» в рамках дискурса той эпохи) (Peretyatko, 2024: 11). В итоге дело закончилось ничем: С. Нур-Алиев, когда к его предполагаемой миссии проявил интерес лично оренбургский губернатор Г.С. Волконский, перестал выходить на связь (Peretyatko, 2024: 11-13). Хотя точные причины этого мы едва ли когда-либо узнаем, нам представляется вероятным, что султан оказался просто не готов к тому, что ему припишут желание спасти русских пленников, и, таким образом, имела место коммуникативная неудача при взаимодействии оренбургских властей и представителя кочевого мира (Peretyatko, 2024: 14).

Мы столь подробно останавливаемся на этой истории потому, что через 5 лет, в 1818 г., к оренбургским властям обратился другой представитель кочевого мира, имам и мухтасиб Исмагил Уразмухаметев, утверждавший, что был в Бухаре, выручил оттуда российских подданных и готов оказывать услуги властям и в дальнейшем (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 7). Однако на этот раз новый оренбургский губернатор П.К. Эссен передал дело на решение Оренбургской пограничной комиссии, которая предложением И. Уразмухаметева не заинтересовалась (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 5, 15-18). И, несмотря на отсутствие непосредственного результата, как нам представляется, случай И. Уразмухаметева очень любопытен сразу в нескольких отношениях. Прежде всего, как мы увидим далее, имам откровенно пытался обмануть оренбургские власти, а его мотивация к этому обману была достаточно прозрачна. В других документах оренбургских властей XIX в. встречаются тексты, демонстрирующие недоверие к представителям кочевого/мусульманского мира, причем зачастую откровенно ксенофобского характера: например, в 1830 гг. оренбургский губернатор В.А. Перовский в официальном документе, адресованном министру иностранных дел Российской империи К.В. Нессельроде, недвусмысленно писал о «тупости, скрытности и сварливости Азиатцов» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 1). Но случай И. Уразмухаметева показывает, что обвинения российскими чиновниками влиятельных кочевников в скрытности, двуличии и даже откровенной лжи не всегда диктовались подобной ксенофобией, но могли быть и вполне обоснованы.

В своей небольшой статье мы попытаемся взглянуть на случай И. Уразмухаметева в контексте отношений оренбургских властей со степью. Что означала ложь имама для него самого, оренбургских властей и находящихся в Центральной Азии рабов?

2. Материалы и методы

Основным источником для нашего исследования станет дело Объединенного государственного архива Оренбургской области о донесении И. Уразмухаметева (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874). Мы будем соотносить его с другими делами данного архива, главным образом о выходе российских подданных из Бухары и взаимоотношениях российских чиновников и представителей кочевой элиты. На этом основании, используя преимущественно микроисторические методы, мы попытаемся реконструировать логику и значение как донесения И. Уразмухаметева и ответа Оренбургской пограничной комиссии, так и других схожих случаев.

3. Обсуждение

Наиболее фундаментальной и обобщающей работой, посвященной именно личностному фактору в отношениях Российской Империи и Центральной Азии в XIX в., является монография Р.Ю. Почекаева «Губернаторы и ханы. Личностный фактор правовой

политики Российской империи в Центральной Азии: XVIII — начало XX в.» (Почекаев, 2017). Однако в этой работе двойственность, внутренняя противоречивость деятельности некоторых представителей кочевой элиты связывается исключительно с тем, что «с одной стороны, им приходилось поддерживать официальную политику российских властей в регионе (ведь от воли губернаторов нередко зависел сам факт пребывания того или иного хана на престоле), с другой — было необходимо демонстрировать защиту интересов собственных подданных, их традиций, ценностей» (Почекаев, 2017: 10-11). Между тем, как мы увидим далее, деятельность отдельных представителей кочевой элиты могла казаться внутренне противоречивой при попытках ее оценки в рамках категорий лояльности Российской империи/готовности защищать интересы своих подданных потому, что в основе этой деятельности лежала логика, основанная на других принципах (в частности, принципе личной выгоды). Более того, как мы увидим далее, целый ряд представителей кочевой элиты пытались ввести в заблуждение оренбургских чиновников и приписать себе чужие/несуществующие заслуги перед Российской империей, чтобы получить какие-либо выгоды. Таким образом, наша статья в определенном смысле дополняет монографию Р.Ю. Почекаева, показывая, какие еще личностные факторы, кроме освещенных в этой работе, могли влиять на отношения российских чиновников и представителей кочевой элиты.

4. Результаты

Прошение имама и беглецы из Российской империи в степи

20 мая 1818 г. И. Уразмухаметев обратился к начальнику штаба Отдельного оренбургского корпуса Г.П. Веселитскому с донесением, которое было бы точнее назвать прошением (впрочем, оговоримся, что мы анализируем русский перевод текста, который мог быть не вполне точен к подобным нюансам) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 7). Возможно, из-за перевода его текст оказался настолько сумбурен и невнятен, что в дальнейшем оренбургские власти даже подготовили своеобразный пересказ этого донесения более ясным языком, выполненный одним из адъютантов оренбургского губернатора П.К. Эссена (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 4).

Большую часть донесения И. Уразмухаметев сообщал оренбургским властям о своих действиях в степи, не уточняя их датировки. Приведем подробно первый описанный им случай, чтобы показать, в чем именно выражалась указанная нами сумбурность и невнятность. По приказу коменданта Орской крепости И. Уразмухаметев ездил в степной аул, житель которого Кульбай донес, будто бы там находятся два беглых солдата (локализация этого аула не указывалась, за исключением того, что он находился «за речкой Сыр-дарьей», а доехал дотуда имам «в десять дней») (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 7). Однако по прибытию оказалось, что солдат в ауле уже нет: не называемые по имени сын и братья Кульбая выменяли беглых на юфтевые кожи у тоже безымянного бухарца (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 7). И. Уразмухаметев с братьями Кульбая отправился к этому бухарцу (на этот раз отсутствовало не только название места, куда они ехали, но и срок поездки), однако бухарец отказался бесплатно отдавать им солдат, потребовав выкупить их (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 7–70б.). Имам, видимо, хотел, чтобы заплатили сопровождавшие его кочевники, но оказалось, что у них нет «наличных червонцев» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 70б.). И. Уразмухаметев вернулся в некие «аулы», где убедил «киргизцев Кыйчабая и Кархава» (может быть, как раз родственников Кульбая, продавших бухарцу беглых солдат?) собрать «выменянные ими юфтенные кожи» и «следовать в Бухарию за реченными солдатами», но в итоге те отказались, опасаясь «дабы еще не были задержаны» российскими властями (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 70б.).

С точки зрения современного историка сообщение И. Уразмухаметева очень ценно, поскольку показывает: рабами у «киргизцев» и в Бухаре могли быть не только захваченные подданные Российской империи, но и разного рода беглые люди, самостоятельно бежавшие из ее пределов. Это важно еще и потому, что, согласно посещавшему Бухару в 1835–1836 гг. И.В. Виткевичу, в ней было всего около 25 русских пленников и еще около 50 на остальной территории эмирата, а вот «беглых татар» там находилось «великое множество» (Записки..., 1983: 116). И.В. Виткевич приводил и биографические сведения о двух дезертирах из российской армии, которые бежали в степь, были там захвачены кочевниками и проданы в Бухару (Записки..., 1983: 115). Однако более традиционным для российской историографии и

даже культуры является образ «русского пленника», захваченного в ходе набега кочевников и тяжело страдающего в рабстве у мусульман. Е.К. Созина даже вводит понятие «степного пленника», и рассматривает тексты русской литературы XIX в. о них в качестве инструмента «внутренней колонизации», призванного пробудить у читателя патриотические чувства (Созина, 2016: 7). Не удивительно, что проблематика людей, добровольно бежавших из Российской империи в степь, до сих пор специально не изучалась, и даже само их существование российской историографией не отражено.

В изученном нами массиве архивных документов оренбургских властей люди, добровольно бежавшие из Российской империи, тоже почти не фиксируются. Одним из немногих исключений является беглый солдат Андрей Вакуров, в 1830-ых гг. активно участвовавший в захвате рабов на Каспийском море и бывший фактически одним из предводителей местных морских разбойников (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4388. Л. 24, 45, 49; ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4420. Л. 16, 180б.). Однако информация о нем исходила исключительно от выбравшихся из плена людей, и поэтому ее было очень мало. Так, в одном из документов упоминается, что «Андреей Вакуров, поступивший на службу из Красноярских мещан, управляет действиями хищников, преподавая им способы к грабегам и занимая между ними должность лоцмана» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4420. Л. 16), а в другом – что «после начальника разбойничьей шайки, Киргизца Чабыка, управляет во время пленения как судами, так и разбойниками сей русский беглец, который и живет у Чабыка» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4388. Л. 45). Однако никаких сведений о том, как А. Вакуров оказался среди кочевников, нет, хотя и видно, что его случай не являлся уникальным: в документах сообщалось, что среди каспийских морских разбойников, действовавших с Мангышлака, «находится пять человек беглых Русских солдат» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4420. Л. 16).

Наконец, по самим показаниям вернувшихся в Россию пленников едва ли можно делать выводы о том, были ли они захвачены или бежали самостоятельно. Во второй половине 1830-ых гг. из Хивы было возвращено значительное число пленников, с которых брались показания (Ermachkov et al., 2021: 1780-1781). Один из них, Василий Венедиктов, первоначально был занесен в списки освобожденных как бежавший из России в Персию (там он служил в шахской армии) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 190б.). В собственном показании В. Венедиктов факт бегства из Российской империи не признал, зато рассказал крайне странную историю о том, как он якобы был послан с другими солдатами за сеном, плохо себя почувствовал, уснул, проснулся, не обнаружил других солдат, и встретил неких «Персиян», которые обещали доставить его к русским, но вместо этого отвезли в Тебриз (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 64). А из документов Оренбургской пограничной комиссии следует, что первоначальный список освобожденных рабов составлял некий «Губернский Секретарь Аитов», записавший В. Венедиктова беглым солдатом «по словам других пленников» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 70).

И случай, описанный И. Уразмухаметевым, в подобном контексте, при всей неясности описания, оказывается едва ли не единственным свидетельством: даже относительно лояльные Российской империи кочевники могли принимать участие в продаже беглых людей в Бухару. Более того, поскольку ни сам И. Уразмухаметев, ни работавшие с его донесением оренбургские чиновники не дали никаких специальных комментариев к данному случаю, можно сделать вывод, что он был для них в порядке вещей. Таким образом, мы располагаем косвенным, но важным архивным подтверждением того, что источником рабов из Российской империи в Центральной Азии XIX в. был не только прямой захват российских подданных, но и бегство в степь дезертиров из российской армии (обратим внимание, что во всех разобранных нами случаях фигурируют именно дезертиры).

Однако с точки зрения чиновников той эпохи описание И. Уразмухаметевым случая с двумя беглыми было крайне неудачным. Самое главное – из него оставалось абсолютно непонятно, как звали двух беглых российских солдат и у кого они в итоге оказались. Очевидно, что эта информация была необходима для выручки двух русских из Бухарского эмирата в первую очередь, а И. Уразмухаметев мог легко узнать и сообщить ее. Далее мы увидим, что оренбургские власти действительно интересовались именами солдат. Таким образом, фактически конкретные сведения, сообщенные имамом Г.П. Веселитскому о двух беглых солдатах, сводились к тому, что их продали куда-то в Бухару, но понять, кто, кому и даже кого продал, оказывалось невозможным.

Столь же запутанно и малоинформативно И. Уразмухаметев описывал и другие случаи, произошедшие в степи и связанные главным образом с пленниками, являвшимися подданными Российской империи. Так, он сообщал, будто бы некие «Бискам, Туктагул и Усень Сокуровы» «привезли к себе в аулы из крепости Орской одного российского человека» (обратим внимание, что в донесении опять нет имени этого человека) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 70б.). Почему-то решив, что его будут переправлять в Бухарский эмират, имам явился в эти аулы, однако там ему сообщили: «помянутой пленный российский человек будто бы от стужи помер» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 70б.). Однако какие-то «другие люди» утверждали, что пленник жив и его отвезли в Бухару, чтобы продать, а на вырученные деньги выкупить двух беглых солдат, о которых имам писал выше (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 70б.). Наконец, «носились слухи», что пленника продадут, но солдат спасти не будут (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 8).

Столь же неудачны были и якобы предпринятые И. Уразмухаметевым попытки вывезти в Российскую империю других пленников/беглых. Бикет-Кунгурбай Абаданов и Туваберган Куякбаев, по мнению имама, выкрали из Троицка некоего крещеного кочевника по имени Афанасий и доставили в кибитку «девицы, именуемой Хазарой» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 8). И. Уразмухаметев явился в эту кибитку, но ему не дали поговорить с Афанасием (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 8). Тюбет-Тукбай Маркабаев выкрал очередного не названного по имени русского из Орской крепости (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 8). И. Уразмухаметев просил через неких попутчиков не продавать его, однако Т. Маркабаев увез его в Бухарский эмират (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 8–80б.). Наконец, Ниязбайтангат Дзанбаев купил находящегося в рабстве уже 25 лет И.А. Утробина, и имам уговаривал освободить этого пленника (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 80б.). Хозяин был готов продать его, однако этот вариант не устроил уже самого И. Уразмухаметева (интересно отметить, что в этом случае имам говорил с рабом лично, и тот просил «дабы я о выручке его из орды донес главному начальству») (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 80б.).

Наконец, помимо этих конкретных случаев, И. Уразмухаметев описывал ситуацию с подданными Российской империи в степи в целом, причем его оценка этой ситуации представляется нам достаточно интересной, чтобы привести ее целиком: «Сверх того, слухи носят, что и в прочих местах находятся из магометан беглые солдаты, которые по большей части убегают из России с выходящими караванами, а чумекейского рода Султан Темир Иралиев, караванные начальники и вожаки, оного каравана старшины, хотя об оных беглецах и знают, но скрывают» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 80б.–9). Таким образом, с точки зрения имама, основную массу людей в степи, на которых могла бы претендовать Российская империя, составляли не захваченные в ходе набегов пленники-рабы, но мусульмане, дезертировавшие из российской армии. Подобное мнение может показаться странным, однако следует учесть, что как раз на конец 1810-ых гг. пришелся период стабильности в отношениях Российской империи и степи. По позднейшим сведениям Оренбургской пограничной комиссии (впрочем, возможно, не полным, т. е. заниженным) в 1815 г. в оренбургском пограничье кочевниками было пленено всего 10 человек, в 1816 г. – 7, в 1817 г. – 5, а в 1818 г. – 4 (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 300б.). Для сравнения, в 1814 г., пиковом во второй декаде XIX в., было захвачено 28 человек, а в 1823 г., в разгар восстания Ж. Тленшиулы – 113 (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 300б.). Следовательно, именно во второй половине 1810-ых гг. действительно могла наблюдаться ситуация, когда количество беглецов в степь превышало число людей, захваченных кочевниками во время набегов.

И И. Уразмухаметев, описав эту проблему, связывал ее с недостаточной лояльностью степных правителей к Российской империи. Вообще его донесение содержит целый ряд указаний на то, будто бы он едва ли не в одиночку защищал российские интересы среди кочевников, за что подвергался риску и даже насилию: «Киргизские султаны и старшины за рукоприкладством тамгов намереваются донести главному начальнику, чтоб донесения мои об них почитались ложными, отчего я, имея опасность, предварительно имею честь донести Вашему Превосходительству» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 8); «За розданный мной товар должники не расплачиваются, говоря при том, что <раз> я придерживаюсь к стороне России, то и товаром моим пользоваться они имеют право» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 100б.); «Меня Тухинского отделения Ишкара-Туранбай Сутбаев был немилосердно, от чего имею на лице знаки, но даже хотел было он меня зарезать ножом» (ОГАОО. Ф. 6.

Оп. 10. Д. 1874. Л. 10). Обидел имама и некий Сейфудин Рахшинкулов, возможно, беглый солдат. С. Рахшинкулов заявлял имаму, будто бы находится в степи с ведома и разрешения как коменданта Орской крепости, так и Оренбургской пограничной комиссии, однако И. Уразмухаметев приводил его как пример бежавшего из России солдата (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 9). Это место донесения выглядит совершенно наивным в своей необъективности. Никаких доказательств вины С. Рахшинкулова имам не указывал, зато сообщал о нем дословно следующее: «По вексялям состоит он должным тысячу пятьсот рублей, которые не платит» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 9).

В итоге наименее интересная для нас часть донесения имама посвящена предложениям повысить его статус различными способами, чтобы он служил проводником российского влияния в степи. Сам И. Уразмухаметев формулировал это так: «долженствует мне по обязанности своей и по закону магометанскому киргизцев от худых поступков воздержать и приводить на истинный путь, и чтоб знали, что есть закон магометанский и российский» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 10). Имам утверждал, будто бы ему «обещали» (совершенно не ясно кто) выделить лошадь и средства на дорожные расходы, а он мог объезжать аулы и выручать оттуда русских (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 90б.). На практике это выполнено не было (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 90б.). И теперь И. Уразмухаметев просил, чтобы его в поездках по степи сопровождали старшины разных родов, а еще ему выделили персонального муэдзина (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 100б.). Не ограничиваясь этим, он настаивал, чтобы Оренбургская пограничная комиссия приказала всем муллам составить списки кибиток (наивно, как и в случае с С. Рахшинкуловым, указывая, что эти списки нужны ему для получения «положенного» подаяния, т. е. религиозного налога) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 100б.–11), и даже, вмешиваясь в совершенно не касающиеся его дела, предлагал запретить живущим в Орской крепости бухарцам контактировать с бухарскими караванщиками в период отхода караванов (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 9). Наконец, уже откровенной фантастикой выглядела готовность имама «не щадя живота своего, до последней капли крови» наводить порядок в аулах... если ему представят отряд казаков (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 12). На этом фоне просьба И. Уразмухаметева назначить ему жалование и компенсировать финансовые издержки, понесенные во время неустанной службы России, выглядели почти скромно (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 120б.).

Поездка имама в Бухару и позиция бухарских властей в вопросе о рабах-подданных Российской империи

Ближе к концу письма И. Уразмухаметев описывал наиболее интересный для нас произошедший с ним случай, касавшийся его поездки в Бухару. Хотя это описание, подобно прочим, вышло сумбурным и малоинформативным, в соответствии с ним действия имама в Бухаре выглядели следующим образом.

Упомянувшийся нами выше оренбургский губернатор Г.С. Волконский (тот самый, который проявил интерес к несостоявшейся поездке в Бухару султана С. Нур-Алиева) направил И. Уразмухаметева муллой к одному из лояльных Российской империи кочевых султанов, Т. Иралиеву (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 12). В свою очередь, Т. Иралиев отправил имама с некими «письмами своими» в Бухару (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 12). К сожалению, из донесения И. Уразмухаметева совершенно не ясно, что подразумевается под «письмами» – личная переписка, которую имам должен был передать корреспондентам султана, или некие верительные грамоты, подтверждающие, что он находится в Бухаре с поручением вывезти оттуда подданных Российской империи. Соответственно, если речь идет о верительных грамотах, не ясно и то, были ли поставлены о них в известность российские власти. В любом случае, в Бухаре И. Уразмухаметев был представителем только одного из кочевых султанов, а не оренбургских чиновников.

Тем не менее, к нему якобы обращались многие подданные Российской империи. «Находящиеся в плену» (т. е. рабы) просили его передать оренбургскому военному губернатору просьбу об их выкупе (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 11). Обратим внимание, что речь идет именно о выкупе: т. е. рабы считали, что их освобождение возможно, но только в случае получения хозяевами компенсации (напомним, что аналогичным образом вел себя и бухарец-хозяин двух сбежавших в степь российских солдат, с которым

говорил И. Уразмухаметов). Имам упоминал и таких людей, которые были «отпущены на волю», освобожденных рабов (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 11). Судя по контексту, никаких препятствий к возвращению их в Россию бухарские власти не чинили, и причиной невозврата было отсутствие денег. Во всяком случае, свою неспособность вернуть их И. Уразмухаметов связывал исключительно с тем, что «на своем коште везти их также я был не в силах» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 11). Обратим внимание, что эта информация хорошо соотносится с известными нам случаями отдельных рабов, которые в 1810 гг. без проблем самостоятельно выбирались из Бухары в Россию, если они были достаточно богаты, чтобы выкупиться самостоятельно (Peretyatko, 2024: 9-10). В уже знакомой нам манере И. Уразмухаметов пытался переложить траты по вызволению российских подданных на других людей, предложив им попробовать выйти в Россию с караваном некоего «Султана Ширгазья» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 11–110б.). Этот караван действительно вывез одного человека, некоего Сергея (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 110б.). Наконец, писал И. Уразмухаметов и о находящихся в Бухаре беглых из Российской империи. Для нас интересно, что он называл их «пробравшиеся в оный город Бухарию по различным сделанным ими погрешностям магометане» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 110б.). Таким образом, мы получаем еще одно свидетельство о том, что в Бухаре были беглые из Российской империи, среди этих беглых были мусульмане, и бежали они, совершив какие-то преступления. Обратившиеся к имаму беглые утверждали, будто бы готовы немедленно вернуться в Россию, если получают некий «Всемиловейший манифест» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 110б.). Судя по контексту речь шла о официальном прощении их преступлений. Как мы помним, султан С. Нур-Алиев тоже просил исходатайствовать прощение для беглых людей, которых он был готов вывезти из Бухары. Следовательно, часть подобных людей действительно была готова вернуться в Россию, но боялась сделать это, не получив официального прощения за совершенные преступления.

И. Уразмухаметов утверждал, что ему уже удалось вывезти «по манифесту» из Бухары 18 человек с караваном, в числе которых был «один русский» (т. е. остальные, видимо, были подданными России мусульманами) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 12). При этом он не уточнял, почему им не было отдано предпочтение бывшим рабам русского происхождения, которым, как мы помним, он посоветовал следовать с другим караваном из-за отсутствия денег на их вывоз. Тем не менее, имам ставил совершенное действие себе в заслугу и это был фактически единственный случай, когда он якобы действительно смог вернуть в российские пределы российских подданных, а не только безуспешно просить об осуществлении подобного возврата третьих лиц (будь то хозяева рабов или какие-то кочевники, которые могли бы помочь в выкупе/вывозе российских подданных). И. Уразмухаметов утверждал, что о его заслугах должен был сообщить в Оренбургскую пограничную комиссию не только Т. Иралиев, но и лично последний хан Младшего Жуза Ш. Айшуаков (единственная фигурирующая в донесении имама фигура, достаточно значимая, чтобы в дальнейшем удостоиться специального внимания историков) (Избасарова, 2016: 98-107). Однако награды за совершенные действия И. Уразмухаметов не получил (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 12).

На момент написания нашей статьи о несостоявшейся поездке в Бухару султана С. Нур-Алиева нам не был известен случай И. Уразмухаметова, и мы предполагали, что российская власть почти не пользовалась услугами посредников для выручки российских подданных из Бухары, а переговоры на этот счет велись непосредственно с бухарскими властями (Peretyatko, 2024: 4-6). Однако дальнейший архивный поиск показал, что именно в 1810-ые гг. ситуация была значительно более сложной. На этот период действительно приходится режим наибольшего благоприятствования бухарских властей к подданным Российской империи. В 1814 г. даже произошел уникальный случай (по крайней мере, его аналогов нами не обнаружено): «Бухарского владения чиновник Диван-Беги Ишмухамет Байкшиев» 28 сентября передал Оренбургской пограничной комиссии спасенного им из рабства у кочевников казака Степана Сорокина (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1203. Л. 1–2). К сожалению, подробностей в соответствующем архивном деле нет, но, судя по контексту, бухарский чиновник действовал по собственной инициативе. Это пока единственный известный нам случай, когда представитель бухарских властей не просто согласился помочь оренбургским чиновникам в борьбе с рабовладением, но самостоятельно спас раба-подданного Российской империи, запроса на спасение которого от российской стороны не поступало.

Однако речь в данном случае шла о освобождении раба, находившегося за пределами Бухарского эмирата. Ситуация же с подданными Российской империи, принадлежащими бухарцам, была значительно более сложной. Возможно, окончательное ее ухудшение пришлось на период губернаторства П.К. Эссена. Дело в том, что 29 апреля как раз того 1818 г., когда И. Уразмухаметев подал свое донесение начальнику штаба Отдельного оренбургского корпуса Г.П. Веселитскому, непосредственно к оренбургскому губернатору П.К. Эсену обратился с письмом бухарский эмир Хайдар (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1644. Л. 19). В этом письме эмир жаловался, что лояльные России кочевники обирают и даже откровенно грабят бухарские караваны, и просил принять меры (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1644. Л. 19). Однако П.К. Эссен, вместо того чтобы наказать грабителей или придать караванам надежную охрану из российских войск, ограничился тем, что 30 августа 1818 г. обратился к кочевым правителям, приказав им защищать очередной вышедший из Троицка бухарский караван от «всяких обид и притеснений в степи» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1644. Л. 190б.). В свою очередь, оренбургский губернатор написал бухарскому эмиру письмо с просьбой взамен за оказанную услугу запретить своим подданным покупать «Российских людей» и выдать таковых, уже находящихся в Бухаре (обратим внимание, что прилагался и конкретный их список, очень небольшой – всего 7 фамилий, хотя, понятно, часть русских рабов в Бухаре могла быть неизвестна оренбургскому губернатору) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1644. Л. 20). На эту просьбу эмир Хайдар отреагировал так, что в его ответе можно углядеть даже скрытую издевку за формальное решение вопроса с охраной бухарских караванов: он обещал возвращать «Российских пленников» в будущем, но только в индивидуальном порядке, если уведомление о подобном пленнике, которого нужно освободить, придет ему лично оренбургский губернатор, а вопрос о людях, уже удерживающихся в Бухаре, проигнорировал (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1644. Л. 200б.).

В этом контексте любопытно, что, когда в 1833–1834 гг. Бухару инкогнито посещал чиновник Оренбургской пограничной комиссии П.И. Демезон, представители бухарских властей жаловались ему как раз на неисполнение Российской империей своих обязательств по охране бухарских караванов: хотя ранее посещавший Бухару некий «русский посол» (возможно, имеется в виду посольство 1820–1821 гг.) обещал, что один караван в год будет охраняться российским отрядом до самой Бухары, выполнено это не было (Записки..., 1983: 43). При этом П.И. Демезон тоже, подобно П.К. Эсену ранее, пытался вести переговоры о освобождении рабов, захваченных из Российской империи, но теперь даже не поднимал вопроса о возможности оказания какой-либо ответной услуги бухарскому правительству российскими властями (Записки..., 1983: 25, 50). Таким образом, складывалась откровенно неприятная для обеих сторон ситуация: Российская империя хотела добиться от Бухарского эмирата освобождения похищенных с ее территории рабов, а Бухарский эмират от Российской империи – надежной охраны следующих с ее территории бухарских караванов, но при этом выполнять просьбы другой стороны в одностороннем порядке не желала ни одна, ни другая сторона.

В 1818–1819 гг. ситуацию дополнительно обострило получение П.К. Эсеном письма из Бухары от рабов русского происхождения. К сожалению, мы не знаем ни точной даты написания этого письма, ни точной даты его получения. Противоречит оно и всему тому, что мы знаем о положении подданных Российской империи в Бухаре. Как мы видели выше, в 1810-ые гг. были случаи, когда рабы русского происхождения выкупались из Бухары самостоятельно, бухарские власти не мешали отъезду в Россию освободившихся рабов и беглых мусульман, а однажды бухарский чиновник даже освободил раба русского происхождения от мусульман-кочевников и отвез его в Россию. В целом складывается впечатление, что бухарские власти не считали принципиально важным сохранение рабского статуса у немногочисленных рабов из России, но и не планировали освобождать их без каких-либо ответных действий с российской стороны, рассматривая данный вопрос как предмет торга с целью получения лучшей охраны своих караванов российскими отрядами. Соответственно, вопрос о статусе раба становился частным делом его хозяина, и, что логично в данной ситуации, как правило, освобождение за выкуп не было проблемой, но бесплатно освобождать рабов хозяева не желали. Между тем полученное П.К. Эсеном письмо скорее напоминает сборник клише о тяжелых страданиях невольников в руках почти карикатурных злодеев.

Наиболее яркое в этом отношении место в письме недвусмысленно сообщало: «Ныне в Бухарии жить нельзя: как скоро узнает, что хорошие люди есть, ту минуту в город привезут, ту же минуту повесят» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1644. Л. 22). Это письмо написали двое невольников, Константин Мартынов и Григорий Злобин, утверждавшие, будто бы в прошлом году невольники уже писали подобные письма, но узнавший об этом «Бухарский Паша» (судя по контексту, эмир Хайдар) повесил трех человек (их имена не сообщались) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1644. Л. 210б.). Невольники не столько описывали свое положение, сколько живописали действия бухарских властей, в их интерпретации постоянно издевавшихся над оренбургским губернатором. Так, эмиру Хайдару приписывались следующие слова (откуда их узнали невольники, не сообщалось): «Кафыр (лично П.К. Эссен – А.П.) присылает ко мне бумаги; я этому ничего не верю; я в своей земле Амир» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1644. Л. 210б.). Начальнику каравана, в котором ехал бухарец, передававший эмиру письма от П.К. Эссена, приписывалась следующая цитата (тоже без уточнения источника информации о ней): «Издери и брось (письма от П.К. Эссена – А.П.); и оные сообщники, ибо нашему Амиру бумаги не в пользу, а русских всех людей Амир говорит «перевешаю, а в Россию не выдам» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1644. Л. 210б.). Правда, буквально на следующем листе письма Хайдару приписывалась уже готовность освободить русских рабов за выкуп: «Ежели увижу бумаги Российского Царя и оному поверю, и пришлет деньги, и плен выдам; а без денег ни единого человека не дам» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1644. Л. 23). Приводился и один случай убийства конкретного русского, с указанием его имени, однако крайне невнятно. Из описания следовало, что некий Сергей Пятков приехал в Бухару с «Киргизцем Ширгазой», бухарцы подговаривали караванщиков убить русского, и некие «Киргизцы» действительно его убили (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1644. Л. 22). Таким образом, в данном случае подданный Российской империи был убит не относительно дружественными России бухарцами, а степными кочевниками, но К. Мартынов и Г. Злобин были уверены (без приведения каких-либо доказательств), что инициаторам убийства были не названные по именам бухарцы. Все это сообщалось для того, чтобы убедить П.К. Эссена в необходимости задержать в России бухарских караванщиков до тех пор, пока Бухара не отпустит русских рабов (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1644. Л. 220б.).

Мы считаем важным подчеркнуть, что П.К. Эссен сам характеризовал информацию, сообщенную в письме К. Мартынова и Г. Злобина, следующим образом: «Все сие изображено в виде преувеличенном» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1644. Л. 29). Тем не менее, он счел нужным сообщить министру иностранных дел российской империи К.В. Нессельроде не только о фактическом отказе бухарского эмира возвращать рабов из Российской империи, но и об этом письме, полагая, что оно все же имеет под собой какую-то реальную подоплеку (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1644. Л. 27–300б.). Оренбургский губернатор предлагал обсудить всю эту ситуацию с как раз в это время направлявшимся в Санкт-Петербург бухарским посланником (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1644. Л. 290б–300б.). В целом же П.К. Эссен совершенно однозначно писал, что, прежде чем получить от Российской империи обеспечение защиты караванов, бухарский эмир должен был продемонстрировать «благоразумие к пользам России» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1644. Л. 290б.).

И именно с этого времени мы почти перестаем фиксировать периодически попадавшиеся в 1810-ые гг. в материалах Оренбургской пограничной комиссии сведения о выходе российских подданных из Бухары. На момент написания статьи о несостоявшейся поездке в Бухару С. Нур-Алиева мы знали о 2 случаях выкупа невольников российского происхождения, произошедших в 1800–1810 гг., причем в каждом случае выкупался 1 раб, но в документах о них упоминаются еще 2 человека, вышедших из бухарского рабства в Российскую империю (Peretyatko, 2024: 9-10). Теперь мы можем сказать, что как раз султан, при котором И. Уразмухаметев был муллой, Т. Иралиев, в 1813 г. доставил из Бухары в Орскую крепость 5 человек, видимо, бывших рабов русского происхождения (в их числе был сын священника) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1322. Л. 5–50б.). В 1814 старшина Т. Ауков вывез из Бухары 12 «беглых татар» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1322. Л. 50б.). Наконец, убитый в Бухаре С. Пятков, по сообщению П.К. Эссена, в 1817 г. был выкуплен оттуда «Султаном Ширгазием Каиповым» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1644. Л. 280б.) (кстати, из того, что бывший раб поехал обратно в Бухару, следует, что он не считал положение дел в ней столь ужасным, как его описывали в своем письме другие невольники). Наконец, как мы видели,

в донесении И. Уразмухаметева фигурируют вышедшие с его помощью из Бухары 18 человек (далее мы убедимся, что информация о их выходе была подтверждена Оренбургской пограничной комиссией – но с важным нюансом). Соответственно, именно в 1810 гг. русские подданные активно вывозились из Бухары различными посредниками, которые не добивались их официального освобождения властями, а выкупали. Для сравнения, в 1820-ые гг. мы обнаружили всего один случай выкупа раба из Бухары, причем он заранее согласовывался в Оренбургской пограничной комиссии и был разрешен «с тем, что сие не должно быть в пример другим, и единственно для того, чтобы сделать первый опыт в успехе выручки из неволи пленников, и чтобы узнать, произойдет ли от сего желаемый успех в таковом деле» (т. е. о том, что подобные выкупы были распространены в 1810-ые гг. в комиссии уже забили – или считали, что ситуация изменилась настолько, что эти выкупы стали нерепрезентативны для новой ситуации) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 9).

Однако со следующего десятилетия ситуация меняется. Российское посольство в Бухару 1820–1821 гг., по утверждению его участника Е.К. Мейендорфа, еще пыталось выкупать рабов, но столкнулось с препятствиями к этому со стороны бухарских властей (хотя выкупить 10 человек удалось) (Мейендорф, 1975: 146). А в 1830-ые гг. российские эмиссары в Бухаре, П.И. Демезон и И.В. Виткевич уже будут откровенно настаивать на том, чтобы русские рабы были не выкуплены, а освобождены приказом властей, в то же время выступая не как официальные посланники, а как частные лица, и не обещая никаких ответных действий в благодарность за подобное освобождение от Российской империи (Записки..., 1983: 25, 107). Таким образом, с 1820-ых гг. отношения Российской империи и Бухарского эмирата заметно портятся, и на этом фоне бухарские власти, вероятно, начинают менее лояльно относиться к возврату в Россию захваченных на ее территории рабов и дезертировавших из ее армии солдат.

Таким образом, описанный И. Уразмухаметевым случай выхода из Бухары в 1810-ые гг. 18 подданных Российской империи не представлял собой чего-либо уникального, напротив, он был характерным для этого периода российско-бухарских отношений. Однако в данном случае мы располагаем уникальным источником – пускай сумбурным и недостоверным, но собственным донесением лица, присутствовавшего подобном выходе, а не его пересказом российскими чиновниками. Как мы увидим далее, Оренбургская пограничная комиссия подтвердила: И. Уразмухаметев действительно был в Бухаре, когда там организовывали выход указанных 18 человек.

Ответ Оренбургской пограничной комиссии и ложь имама

Мы не будем подробно останавливаться на пересказе донесения И. Уразмухаметева адъютантом П.К. Эссена. Отметим лишь несколько фактов, связанных с этим пересказом. Прежде всего, в данном случае коммуникативной неудачи не произошло: содержание донесения имама было передано достаточно корректно, исключены оказались только частные детали, и, главное, все, сообщаемое И. Уразмухаметевым, получило четкую и логичную структуру. В пересказе сначала описывались все случаи конкретных русских подданных в степи, упомянутые имамом (эта часть подверглась наименьшим сокращениям), затем описывалось тяжелое положение И. Уразмухаметева в степи и приводились его просьбы (тут, напротив, сокращения были максимальны и исключены были как многие детали, живописующие ненависть кочевников к имаму, так и заведомо невыполнимые просьбы последнего, вроде предоставления ему отряда казаков), а в конце кратко и четко сообщалось о ситуации с российскими подданными в Бухаре (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 1–4). Для нас особенно интересно, что при этом оказалась полностью исключена вся информация о деталях поездки И. Уразмухаметева в Бухару и его участии в выходе оттуда 18 человек, зато сообщенное имаму различными категориями российских подданных приводилось четко и ясно: «Пленники русские в Бухарии просили его ходатайствовать у Вашего Превосходительства о выручке их; что некоторые отпущенные на волю хотели было поехать в Россию с ним, но ни у них, ни у него не было на то денег; что проживающие в Бухарии по разным соделанным ими в России преступлениям просят исходатайствовать милостивого Манифеста о прощении их; дабы могли возвратиться в Россию» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 3об.–4).

Таким образом, хотя коммуникативной неудачи не произошло, направленность первоначального донесения И. Уразмухаметева и его пересказа одним из адъютантов

П.К. Эссена различались. В тексте имама важным, если не важнейшим слоем содержания оказывается демонстрация личной лояльности Российской империи и жертв, на которые он шел из-за этой лояльности. Адъютанта П.К. Эссена, напротив, этот слой содержания интересовал мало и был крайне сокращен, зато принципиально важным и подвергавшимся наименьшим сокращениям оказывался слой смысла, связанный с информацией о положении российских подданных в степи и в Бухаре.

А вот реакция Оренбургской пограничной комиссии на донесение имама была крайне своеобразной. В тексте ее ответа от 20 июля 1818 г. сквозит откровенное раздражение – и, как мы увидим далее, к этому действительно были основания (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 15).

Наиболее подробно Оренбургская пограничная комиссия разбирала первый из описанных И. Уразмухаметевым случаев, с двумя беглыми солдатами. Вокруг них вообще сложилась крайне странная ситуация. Четверо кочевников, Кусай, Исман, Кулбай (т. е. Кульбай из донесения имама) и Сарый Тюгулевы действительно вывезли из Орской крепости двух «российских людей», однако точной информацией о том, кем были эти люди, оренбургские власти не располагали (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 15) (напомним, что И. Уразмухаметев тоже не выяснил их имен). Однако С. Тюгулев утверждал, что вывезенные им русские были в шинелях, что дало основания коменданту Орской крепости предполагать: речь идет о солдатах (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 150б.). Однако российские чиновники предполагали, что эти солдаты не бежали, а были захвачены кочевниками (мы снова возвращаемся к сюжету о том, что беглые в документации оренбургских властей фиксировались слабо) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 15–160б.). Никакой информацией о том, чтобы И. Уразмухаметеву было поручено доставить этих людей в Россию, Оренбургская пограничная комиссия, по-видимому, не располагала. Более того еще в 1817 г. были арестованы С. Тюгулев и некий «отставной хорунжий Япар Усеинов», якобы продавший этих людей, в расчете на то, что их родственники вырчат пленников (т. е. их собирались отпустить в случае возвращения солдат) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 15–160б.). Более того, обеспечить доставку пленников назад в Россию обещали «бухарские караванные начальники Худайназар Акназаров, Мираншан Мир-Абаулин и киргизский старшина Каршау Байакалов» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 150б.). Как мы видим, в освобождении этих пленников российские власти действительно надеялись на помощь представителей мусульманского мира – но не И. Уразмухаметева.

Нужно отметить, что до того, как было получено донесение имама, российские власти проявляли крайнюю халатность в разрешении этого дела. Орский комендант не присылал никакой информации о том, привели ли принятые им меры к какому-либо успеху (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 150б.). Оренбургская пограничная комиссия на это никак не реагировала, и только получив донесение имама решила одновременно потребовать от Орского коменданта снять показания с Я. Усеинова о том, продавал ли он двух невольников, и если да, то как этих невольников звали; выяснить, какие именно солдаты подчиненного ему гарнизонного батальона (!) или соседних гарнизонов были похищены, как, кем и когда; сообщить, не возвращены ли двое невольников из Бухары; передать Оренбургской пограничной комиссии С. Тюгулева и Я. Усаинова, а также возвращенных невольников, если они вернулись (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 16–160б.). Нам остается констатировать, что ситуация с похищением/бегством двух солдат из Орской крепости действительно была крайне запутанной, прежде всего, из-за того, что местные власти даже через год не удосужились установить имена фигурантов, но И. Уразмухаметева точно не посылали их вывозить из степи.

Аналогичную халатность проявила Оренбургская пограничная комиссия и в случае с теми российскими подданными, для которых И. Уразмухаметев указывал точную локализацию в степи и имена. В ее ответе просто не фигурируют Афанасий (напомним, бывший в кибитке у некоей «девицы Хазары») и И.А. Утробин (принадлежащий Н. Дзанбаеву). Подобное игнорирование именно тех российских подданных в степи, информация о которых могла быть проверена (при том, что один из них четко позиционировался рабом, просившим выкупить его) позволяет предположить, что чиновники Оренбургской пограничной комиссии проявляли не просто халатность, но крайне специфическое отношение к своим обязанностям, не желая связываться с

потенциально проблемной задачей выручать из рабства незначительных лиц, информация о которых поступила из ненадежного источника.

А вот о двух безымянных подданных Российской империи, вывезенных, согласно И. Уразмухаметеву, в степь Б., Т. и У. Сокуровыми (первый) и Т. Маркабаевым (второй) Пограничная комиссия писала весьма своеобразно. Она выражала сомнение в том, что эти люди вообще существуют, и предлагала коменданту Орской крепости установить: «Не скрывается ли в самом деле от имама Исмагила Уразмухаметева одной клеветы, по какому-нибудь недоброжелательству к тем киргизцам» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 160б.). В случае же, если имам окажется прав, предлагалось выручать этих людей из степи без его участия (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 160б.–17).

Таким образом, в целом можно констатировать, что Оренбургская пограничная комиссия совершенно не заинтересовалась сведениями, сообщенными И. Уразмухаметевым о находящихся в степи российских подданных. Как нам представляется, важной причиной этого являлось то, что только в одном случае (с двумя солдатами из Орской крепости) оренбургские власти уже знали о похищении (реальном или мнимом) фигурирующих в донесении И. Уразмухаметева лиц и вели их поиск хотя бы формально. Следовательно, сообщения имама не столько помогали в скорейшем разрешении уже выполнявшихся Оренбургской пограничной комиссией задач по выручке русских пленников из степи, сколько ставили перед ней новые задачи.

Хотя на первый взгляд подобная позиция Оренбургской пограничной комиссии граничила с должностным преступлением, у нее были серьезные причины не доверять И. Уразмухаметеву. И дело было не только в том, что он приписал себе выполнение поручения Орского коменданта о выручке из степи двух беглых солдат. Самой проблемной частью донесения имама оказалось описание им своей поездки в Бухару.

Оренбургская пограничная комиссия полагала, что в своем донесении И. Уразмухаметев описывает события 1816 г., когда из Бухары с караваном действительно вернулось 18 «беглых магометан» (т. е. русского, вопреки утверждению имама, в их числе не было) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 180б.). Однако главную заслугу в этом деле Пограничная комиссия возлагала не на И. Уразмухаметева и даже не на кого-то из лояльных Российской империи кочевников, а на бухарца: «бухарский купец Набыржан Фаизжанов» не только сделал «предложение» этим людям вернуться в Россию, но и оплатил их поездку (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 180б.). Таким образом, мы снова убеждаемся, что в 1810-ые гг. отношения Российской империи и Бухарского эмирата были достаточно дружественными, и бухарские власти не препятствовали своим подданным, если они желали как-либо содействовать российским чиновникам в вывозе российских подданных в Россию. К сожалению, в деле нет деталей о том, какова была мотивация Н. Фаизжанова, и о том, получил ли он какую-либо награду. Уже знакомому нам султану Т. Иралиеву в заслугу ставилось «препровождение» каравана с возвращающимися в Россию людьми к российским границам (т. е., видимо, охрана этого каравана) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 180б.). В то же время Оренбургская пограничная комиссия располагала данными, что в то время И. Уразмухаметев был в Бухаре, но не как самостоятельное лицо, а сопровождая султана Т. Иралиева (при котором он, напомним, состоял муллой) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 180б.). Как мы видим, И. Уразмухаметев совершенно осознанно пытался ввести оренбургские власти в заблуждение, приписав себе чужие заслуги.

И вполне логично, что после этого чиновники Оренбургской пограничной комиссии не были готовы тратить время и силы, пытаясь проверять представленную им информацию о находящихся в степи подданных Российской империи, которая вполне могла оказаться ложной или искаженной (в конце концов, почему Афанасий не мог находиться в кибитке «девицы Хазары» по своей воле?). Безусловно, определенная доля халатности в этом была, но в обоих случаях, описанных в донесении И. Уразмухаметева, для которых Оренбургская пограничная комиссия располагала независимыми источниками информации, приведенные факты не подтвердились (имам не был послан комендантом Орской крепости искать в степи двух беглых солдат и не выводил из Бухары 18 российских подданных). В подобных условиях было логично игнорировать всю информацию, сообщенную И. Уразмухаметевым, как заведомо недостоверную.

Единственным случаем, в котором Оренбургская пограничная комиссия с определенным вниманием отнеслась к сведениям, сообщенным И. Уразмухаметевым, был случай С. Рахшинкулова. Оренбургская пограничная комиссия подтверждала, что не располагает сведениями о пребывании последнего в степи (т. е. разрешения на это пребывание она ему не выдавала), и предлагала просто вызвать его к коменданту Орской крепости для того, чтобы последний разобрался в ситуации (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 17). В то же время комиссия обращала внимание на то, что имам связал свой донос на именно этого беглого солдата с тем, что последний задолжал ему крупную сумму и отказывался платить, и подчеркивала, что взыскание данного долга является частным делом И. Уразмухаметева (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 17). Что касается других, неназываемых беглых солдат, то Оренбургская пограничная комиссия предлагала обратиться с запросом о их выдаче к султану Т. Иралиеву и бухарским караванщикам (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 170б.). Едва ли это решение было оптимальным (трудно представить, чтобы дезертирам из российской армии удавалось сколько-либо массово бежать в Бухару без содействия по крайней мере отдельных бухарских караванщиков). Однако из всего, описанного выше, нетрудно видеть, что у Оренбургской пограничной комиссии действительно было больше оснований доверять Т. Иралиеву и по крайней мере отдельным бухарским караванщикам, реально помогавшим подданным Российской империи в Бухаре, а не откровенно вравшему в своем донесении имаму.

Наконец, с учетом всего вышеизложенного понятно, что на все просьбы И. Уразмухаметева о повышении его статуса в степи и улучшении условий его службы Оренбургская пограничная комиссия реагировала с очевидным раздражением. Так, комиссия отмечала не только то, что другим муллам она никогда не назначала постоянного содержания, но и то, что И. Уразмухаметев «находится в орде не более еще трех лет, и в течение сего времени ничего такого не оказал по службе, чтоб могло дать ему право на получение жалования» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 180б.). Комиссия сочла невозможным представить имаму даже список всех мулл, находящихся в Младшем Жузе с формулировкой: «Обязанность его есть не сведения собирать о таковых людях, а исполнять поручения начальства» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 170б.–18). Все прочие претензии И. Уразмухаметева были отвергнуты со следующей недвусмысленной формулировкой: «Домогательство его ясно представляет корыстолюбивые виды и прихоти» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 18). Но, возможно, наиболее красноречивой была реакция Оренбургской пограничной комиссии на жалобы имама, связанные с тем, что многие кочевники не платили ему долги (напомним дословную формулировку: «за розданный мной товар должники не расплачиваются, говоря при том, что <раз> я придерживаюсь к стороне России, то и товаром моим пользоваться они имеют право»). И. Уразмухаметеву было решено указать «строжайше», что «долг его требует не произведения в степи торговли, а усердного отправления подлежащей ему обязанности» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 18).

Анализ текстов

Попытаемся теперь понять значение донесения И. Уразмухаметева для него самого, оренбургских властей и находящихся в Центральной Азии рабов, как мы планировали в начале статьи. Как ясно из всего вышеизложенного, И. Уразмухаметев откровенно врал, приписывая себе действия на благо Российской империи, которых он в реальности не совершал. Его мотивация к этой лжи была совершенно очевидной – имам хотел получить влияние в степи в качестве проводника российской политики, наивно считая возможным, что ему дадут не только муэдзина, но и отряд казаков. Более того, в донесении И. Уразмухаметева регулярно всплывают финансовые вопросы – он не только хотел получать жалование от Российской империи, но и рассчитывал на возврат неких задолженностей от кочевников и получение от них «подаяния». Следовательно, представляется более чем вероятным, что мотивация И. Уразмухаметева сводилась к чисто финансовым аспектам, причем он рассчитывал получать деньги не только от Оренбургской пограничной комиссии, но и от своих единоверцев.

В этом контексте нам представляется наиболее интересным то, какие заслуги приписывал себе И. Уразмухаметев. Именно потому, что эти заслуги были в основном фиктивными, он мог приписать себе такие, за которые в наибольшей степени надеялся на

награду от российских властей. И почти все описания якобы оказанных им Российской империи услуг сводятся к вывозу российских подданных из Центральной Азии. В современной англоязычной литературе встречаются утверждения о том, будто бы некоторые акции российского правительства в Центральной Азии XIX в., официально объясняемые борьбой с работорговлей, в действительности подготавливали территориальную экспансию (например, задержание в 1830-ые гг. хивинских торговцев на территории Российской империи и выставление хивинскому хану ультиматума о том, что эти торговцы будут отпущены лишь в случае выдачи из Хивы русских рабов) (Morrison, 2021: 88-89). Донесение И. Уразмухаметева показывает, что, по крайней мере с точки зрения его автора, для российских чиновников тема российских подданных в степи, как пленников, так и беглых, была крайне важной, и, приписывая себе заслуги, следовало писать о попытках вырвать подобных людей в Россию, а не, например, о шпионских миссиях в Бухаре.

Важным нам представляется анализ того, что можно назвать «индивидуальной стратегией» И. Уразмухаметева (термин «индивидуальная стратегия» мы здесь используем в том значении, которое придает ему К. Гинзбург: линия действий отдельного человека, совокупность которых формирует социальную конфигурацию общества (Гинзбург, 2004: 312)). И. Уразмухаметев попытался использовать рост российского влияния в степи в XIX в. для того, чтобы получить от оренбургских чиновников как официальное право быть проводником российского влияния, так и инструментарий для реализации этого права. При этом не ясно, планировал ли он вообще защищать интересы Российской империи, или рассчитывал использовать полученный инструментарий исключительно в целях личного обогащения. Однако в любом случае индивидуальная стратегия имама сводилась к тому, чтобы максимально дискредитировать единоверцев перед оренбургскими чиновниками, выставив исключительно себя надежным исполнителем поручений властей по вывозу российских подданных из Центральной Азии.

Что касается оренбургских чиновников, то они потратили на донесение И. Уразмухаметева достаточно много сил без какого-либо результата: сперва один из адъютантов П.К. Эссена подготовил более внятный пересказ крайне сумбурного послания имама, а затем Оренбургская пограничная комиссия подготовила развернутый ответ об его лжи и, соответственно, отсутствии необходимости помогать ему. При этом попытки ввести российских чиновников в заблуждение со стороны влиятельных кочевников не были уникальны: так, в 1815 г. старшина Т. Ауков обратился к оренбургскому губернатору Г.С. Волконскому, утверждая, будто бы он выкупил из Бухары четырех людей, «обитающих в плену» (т. е. рабов, а не беглых), которые обещали заплатить ему за это 600 руб., а заплатили только 300 руб. (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1322. Л. 1). И теперь старшина хотел, чтобы недостающие 300 руб. выдали ему оренбургские власти (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1322. Л. 1). Характерно, что при описании этого случая Т. Ауков не сообщал ни имен выкупленных им людей, ни даты выкупа. Судя по ответу Оренбургской пограничной комиссии, она владела информацией только об одном групповом выкупе русских рабов из Бухары в последние годы: Т. Иралиев в 1813 г. доставил в Орскую крепость 5 подобных рабов, о чем мы писали выше (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1322. Л. 5–50б.). Соответственно, Т. Ауков никаких рабов из Бухары не освобождал, и пытался обмануть российские власти. Оренбургская пограничная комиссия вынесла следующее решение: «Просьба его, Аукова, не заслуживает никакого вероятия и потому следует подтвердить ему, чтоб впредь таковыми не затруднял начальство» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1322. Л. 50б.–6).

При этом ситуация отнюдь не сводилась в некоей абстрактной лояльности/нелояльности российскому правительству. Т. Ауков, о чем мы тоже писали, действительно вывел из Бухары в 1814 г. в Россию 12 «беглых татар» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1322. Л. 50б.). Таким образом, он оказал вполне реальную услугу оренбургским властям – а уже на следующий год попытался обмануть их, возможно, надеясь, что ему поможет как раз заработанная репутация. При этом И. Уразмухаметев и Т. Ауков пытались ввести в заблуждение оренбургские власти в совершенно безобидной для них ситуации, и можно было ожидать, что в ситуации более рискованной (например, в случае выдвижения против них обвинений в похищении российских подданных) будут лгать и другие кочевники. И без того сложная задача обеспечения порядка в оренбургском приграничье дополнительно усложнялась.

Приведем любопытный пример аморальных поступков еще более высокопоставленного представителя кочевой элиты, тоже связанный с захватами российских подданного, в данном случае даже офицера. В 1823 г. кочевниками был захвачен прапорщик С.А. Медведев (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 260). Оренбургские власти обратились с просьбами о помощи в его освобождении как к хану Младшего Жуза Ш. Айшуакову, так и напрямую к «кочующим при Новоилецкой линии Султанам и Старшинам» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 260–260об.). В результате возникла коллизия: к моменту, когда хан сообщил, что похитители готовы обменять С.А. Медведева на некоего Айчувака, содержащегося под стражей за конокрадство, Оренбургская пограничная комиссия уже решила передать Айчувака некоему «Старшине Таштемиру Чудину» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 261). Выбор оказался удачным: Т. Чудин провел обмен Айчувака на С.А. Медведева, вывез последнего в Оренбург и получил награду (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 261–261об.).

Вот только почти сразу после этого оренбургские власти получили от Ш. Айшуакова донос на Т. Чудина с просьбой задержать последнего как якобы имевшего русских рабов (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 261об.). Более того, на пути из Оренбурга на Т. Чудина напали кочевники хана, убили одного из сопровождавших старшину лиц и чуть не убили самого старшину (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 261об.). А находящегося в Младшем Жузе российского офицера Ш. Айшуаков просил задержать Т. Чудина с абсолютно великолепной в своем бесстыдстве формулировкой: «за то, что он взялся выручить из плену Прапорщика Медведева и исполнил то мимо его, Хана» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 261об.–262).

Таким образом, И. Уразмухаметев не был одинок в избранной им индивидуальной стратегии. В начале XIX в. представители кочевой элиты в оренбургском приграничье конфликтовали друг с другом из-за возможностей выслужиться перед российскими властями, что означало награды, власть и повышение статуса. Разумеется, мы не считаем, что все представители кочевой элиты при этом были готовы пойти на ложь, как И. Уразмухаметев и Т. Ауков, или даже убийство, как Ш. Айшуаков. Однако в результате к заверениям представителей кочевой элиты о их лояльности Российской империи, оказанных услугах и даже содержащихся в степи пленниках нужно было относиться очень осторожно. Так, Ж. Тленшиулы в 1823 г. (т. е. в разгар своего восстания против Российской империи!) донес П.К. Эссену на Ш. Айшуакова. Ж. Тленшиулы писал: «Оный Хан, будучи беспокойного характера, сопряженного со злобой к обеим сторонам, как к России, так и к нам, что доказывается следующим: назад тому два месяца по требованию его Брат мой родной Азибай быв у него, и он, подарив ему одну лошадь, просил его, чтобы он велел киргизцам посланного от Вашего Высокопревосходительства в степь для выручки пленных почтенного Армянина Шахмирова убить, объявив притом, что у оного Шахмирова есть пять тысяч червонных, которыми воспользуется тот, кто сие сделает» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 214–214об.). Самое ироничное, что, с учетом описанного выше случая с нападением людей Ш. Айшуакова на Т. Чудина, этот донос, несмотря на своеобразный источник, мог быть вполне справедливым. Все это, разумеется, не оправдывает элементов ксенофобии со стороны оренбургских чиновников (напомним слова В.А. Перовского о «тупости, скрытности и сварливости Азиатцев») – но показывает, что реальная обстановка в степи была сложной, и некоторые действовавшие на ее территории персонажи действительно были крайне наивны в своей хитрости, недобросовестны и готовы оговорить единоверцев, чтобы выслужиться перед российскими властями.

Понятно, что рабы оказывались категорией людей, наиболее страдающей от подобного поведения части представителей кочевой элиты. В этом отношении наиболее показателен даже не случай И. Уразмухаметева, а случай Т. Чудина, который фактически был наказан формально лояльным России ханом за то, что спас российского офицера. Известен нам и как минимум один случай, когда спасшие раба кочевники были наказаны российским офицером. В 1835 г. некие «бии Исенчан и Баймухаммет» получили у коменданта Ново-Александровского укрепления задание выкупить нескольких рабов, захваченных морскими разбойниками на Каспии (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4388. Л. 19–20). Когда бии не вернулись в условленный срок, комендант послал еще и отставного казака Исмака Бигеева (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4388. Л. 20). Вернулись бии и казак втроем, привезя и двух выкупленных пленников, однако в итоге бий Баймухаммет был арестован (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4388. Л. 20об.–21). Комендант Ново-Александровского обвинил биев в том, что они не выкупили

еще двух находящихся у морских разбойников рабов, поскольку «с умысла и коварства самого Баймухаммета» эти разбойники запросили за них слишком высокий выкуп (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4388. Л. 200б.–21). В качестве доказательств преступления бия комендант указывал на то, что, во-первых, будучи обвиненным в невыкупе всех рабов, Баймухаммет начал врать, чтобы оправдаться (в частности, якобы неверно называл хозяев рабов), а во-вторых, он потратил часть выданных комендантом для выручки рабов денег на покупку лошади одному из них (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4388. Л. 21–210б.). Даже, как мы помним, достаточно ксенофобски относившийся к «Азиатцам» оренбургский губернатор В.А. Перовский в данном случае сделал коменданту Ново-Александровского укрепления недвусмысленное предписание: «Освободить немедленно из-под ареста и отпустить в степь Бия Баймухамеда, задержанного Вами по подозрению в неблагонадежности действий по выкупу из неволи товарищей означенных пленников малолетков Венедикта Затворникова и Алексея Макаричева» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4388. Л. 42). Тем не менее, подобные ситуации никак не способствовали тому, чтобы представители кочевого мира активнее помогали российским властям в вывозе российских подданных из степи.

5. Заключение

Нам осталось подвести некоторые итоги. Сгруппируем их в три основных блока.

1) В донесении И. Уразмухаметева большинство российских подданных в степи фигурируют не как пленники, но как беглые, чаще всего солдаты мусульманского исповедания. Из других документов мы знаем, что в степь дезертировали и солдаты русского происхождения (в частности, в разбоях на Каспийском море в 1830-ые гг. участвовали, помимо кочевников, пятеро беглых русских солдат, один из которых, А. Вакуров, даже входил в число лидеров пиратов). Хотя донесение И. Уразмухаметева не является надежным источником, описанная в нем история двух проданных в Бухару солдат очень интересна в том отношении, что из документов видно: российские власти не знали ни того, что это за солдаты, ни обстоятельств их исчезновения. Тем не менее, несмотря на утверждение И. Уразмухаметева о том, что это были беглые солдаты, Оренбургская пограничная комиссия и комендант Орской крепости предпочитали позиционировать их в качестве «пленников». Таким образом, какая-то часть якобы захваченных кочевниками людей могла в действительности самостоятельно сбежать к ним/дезертировать в степь, особенно если речь шла о мусульманах. Специфика же российских источников такова, что их авторы не акцентировали внимания на этой группе подданных Российской империи в Центральной Азии, уделяя куда большее внимание захваченным в рабство. В свою очередь, и освобожденные из Центральной Азии рабы могли пытаться скрывать свое бегство из Российской империи, выдавая себя за похищенных или обманутых (известен как минимум один такой случай, вероятно дезертировавшего из российской армии В. Венедиктова).

2) В донесении И. Уразмухаметева сообщается о том, что он вывел из Бухары 18 беглых из Российской империи. Хотя его решающая роль в их выходе оказалась ложью, сам факт выхода этих людей Оренбургская пограничная комиссия подтвердила, причем его инициатором оказался бухарский купец Н. Фаизжанов. Из других документов 1810-ых гг. видно, что именно в это десятилетие возвращение как беглых, так и рабов из Бухары не было чем-то исключительным: в 1813 г. оттуда было вывезено 5 бывших рабов, в 1814 г. 12 «беглых татар», в 1816 г. 18 беглых (как раз Н. Фаизжановым), а в 1817 г. – некий С. Пятков, затем еще и добровольно вернувшийся в Бухару (возможно, для торговли) и убитый там. Кроме того, в 1814 г. бухарский чиновник И. Байкшиев выдал Оренбургской пограничной комиссии вырванного им у кочевников раба. Во всех этих случаях выход осуществлялся с помощью третьих лиц, как правило, лояльных России кочевников, которые, однако, выступали не посредниками в деле освобождения конкретных пленников, а финансово помогали с выкупом/поездкой в караване находящимся в Бухаре российским подданным.

Ситуация, по-видимому, изменилась на рубеже 1810-ых–1820-ых гг. из-за очевидного кризиса в российско-бухарских отношениях. Кризис этот, вероятно, спровоцировали две переписки. Во-первых, в 1818 г. бухарские власти обратились к оренбургским властям с просьбой обеспечить безопасность бухарских караванов, возвращающихся из России на родину. Хотя действенных мер для выполнения этой просьбы оренбургский губернатор П.К. Эссен не принял, ограничившись обращением к кочевым правителям о необходимости

оборонять караваны, он, в свою очередь, попросил бухарского эмира Хайдара отпустить русских рабов, которые находились в Бухаре (таковых было известно всего 7) и запретить держать там рабов из российских подданных. Однако эмир ответил отпиской, согласившись освобождать только рабов, которые будут поступать в Бухару в будущем, и только в случае специального обращения оренбургского губернатора. В результате в дальнейшем бухарские власти тщетно требовали от оренбургских губернаторов защищать бухарские караваны, а оренбургские губернаторы от бухарских властей – освободить рабов из России без выкупа. Во-вторых, в 1818–1819 гг. П.К. Эссен получил письмо от русских невольников в Бухаре, живописавшее жестокость бухарцев, их презрение к русским и неуважение к просьбам оренбургского губернатора. Хотя сам П.К. Эссен признал данное письмо явным преувеличением, он полагал, что оно основано на неких реальных фактах.

В результате с рубежа 1810–1820-ых гг. отдельные случаи выхода подданных Российской империи из Бухары в рассмотренных нами документах перестают фиксироваться, а оренбургские и российские имперские власти меняют стратегию, делая ставку не на подобные выходы, а на бесплатное освобождение бухарскими властями всех русских рабов указом сверху (этого удалось добиться только в 1858 г., когда в Бухару прибыла миссия Н.П. Игнатьева, причем, что интересно, «освобождено» было всего 8 человек, и то не полноценных рабов, а солдат эмира) (Peretyatko, 2024: 5).

3) Наконец, донесение И. Уразмухаметева представляет собой попытку откровенно обмануть российские власти, приписав себе несуществующие или чужие заслуги, и получить благодаря этому статус проводника российского влияния в степи. Фактически индивидуальной стратегией И. Уразмухаметева было выслужиться перед российскими чиновниками за счет дискредитации единоверцев, представления их в негативном виде и приписывания себе их заслуг. Однако эта попытка выслужиться провалилась из-за своеобразной наивности и крайней топорности донесения имама, выдвигавшего непомерные просьбы, вплоть до предоставления ему отряда казаков, и не скрывавшего, что он планирует использовать полученное влияние для возмещения долгов и требований «подавания» с кочевников, а также потому, что он приписал себе вывоз из Бухары 18 беглых, которых, как было известно Оренбургской пограничной комиссии, вывез Н. Фаизжанов.

Проблема, однако, заключается в том, что и некоторые другие представители кочевой элиты придерживались подобной стратегии. Так, старшина Т. Ауков желал получить возмещение за якобы выкупленных им из Бухары рабов, которых он не выкупал. Но наиболее показателен конфликт хана Ш. Айшуакова и старшины Т. Чудина: хан организовал нападение на старшину и просил российские власти задержать последнего за то, что он спас из плена русского офицера, которого планировал спасти сам хан. При этом, если И. Уразмухаметев, судя по всему, не имел никаких заслуг перед Российской империей, в других случаях фигуранты подобных дел могли прежде оказывать российским властям вполне реальные услуги (Т. Ауков вывез из Бухары 12 беглых). Соответственно, у российских чиновников не было простых способов определить, лжет им или нет конкретный представитель кочевой элиты: его реальные заслуги в прошлом не означали, что он не будет пытаться лгать или приписывать чужие заслуги в будущем.

И без этого некоторые российские чиновники демонстрировали ксенофобию и презрение к «Азиатцам». А попытки обмана со стороны представителей кочевой элиты дополнительно обостряли ситуацию. Нам даже удалось обнаружить случай, когда участвовавший в выручке из рабства 2 российских подданных бий Баймухаммет вместо получения награды был арестован, поскольку российский офицер считал, что он мог выручить еще 2 рабов, но, вместо того, чтобы сделать это, вошел в сговор с их похитителями, чтобы завысить сумму выкупа. Понятно, что подобные ситуации никак не способствовали участию представителей кочевой элиты в освобождении рабов и обостряли отношения между ними и российскими чиновниками.

Литература

- Гинзбург, 2004 – Гинзбург К. Микроистория: две-три вещи, которые я о ней знаю / Мифы – эмблемы – приметы: Морфология и история. М., 2004. 345 с.
Записки..., 1983 – Записки о Бухарском ханстве (Отчеты П.И. Демезона и И.В. Виткевича). М., 1983. 149 с.

- Избасарова, 2016 – Избасарова Г.Б. Шергазы Айшуаков — последний хан Младшего жуза казахов // *Вопросы истории*. 2016. № 11. С. 98-107.
- Мейендорф, 1975 – Мейендорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. М., 1975. 180 с.
- ОГАОО – Объединенный государственный архив Оренбургской области.
- Почекаев, 2017 – Почекаев Р.Ю. Губернаторы и ханы. Личностный фактор правовой политики Российской империи в Центральной Азии: XVIII – начало XX в. М., 2017. 384 с.
- Созина, 2016 – Созина Е.К. Дискурс «степных пленников» в русской литературе XIX века // *Уральский исторический вестник*. 2016. № 1 (50). С. 6–15.
- Ermachkov et al., 2021 – Ermachkov I.A., Baibarin A.A., Mineeva E.K., Balanyuk L.L. To the Issue of the Cost of Slaves on the Territory of the Khiva Khanate (the first half of the XIX century) // *Bylye Gody*. 2021. 16(4). Pp. 1779-1788.
- Morrison, 2021 – Morrison A. The Russian Conquest Of Central Asia: A Study In Imperial Expansion, 1814–1914. Cambridge, 2021. 641 p.
- Peretyatko, 2024 – Peretyatko A.Yu. Russian Empire Subjects in the Emirate of Bukhara and the Failed Visit of Sultan Seit-Ali Nur-Aliev for the Purpose of Their Returning (1813) // *Slavery: Theory and Practice*. 2024. 9(1): 3-22.

References

- Ermachkov et al., 2021 – Ermachkov, I.A., Baibarin, A.A., Mineeva, E.K., Balanyuk, L.L. (2021). To the Issue of the Cost of Slaves on the Territory of the Khiva Khanate (the first half of the XIX century). *Bylye Gody*. 16(4): 1779-1788.
- Ginzburg, 2004 – Ginzburg, K. (2004). Mikroistoriya: dve-tri veshchi, kotorye ya o nei znayu [Microhistory: Two or Three Things That I Know about It]. *Mify-emblemy-primety: Morfologiya i istoriya*, M., 345 p. [in Russian]
- Izbassarova, 2016 – Izbassarova, G.B. (2016). Shergazy Aishuakov — poslednii khan Mladshego zhuza kazakhov [Shergazy Aishuakov — the latest Khan of the Younger Dzus of Kazakhs]. *Voprosy istorii*. 11: 98-107. [in Russian]
- Meyendorff, 1975 – Meyendorff, E.K. (1975). Puteshestvie iz Orenburga v Bukharu [Journey from Orenburg to Bukhara]. M., 180 p. [in Russian]
- Morrison, 2021 – Morrison, A. (2021). The Russian Conquest Of Central Asia: A Study In Imperial Expansion, 1814–1914. Cambridge, 641 p.
- ОГАОО – Ob"edinennyi gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti [Joint State Archive of Orenburg Region].
- Peretyatko, 2024 – Peretyatko, A.Yu. (2024). Russian Empire Subjects in the Emirate of Bukhara and the Failed Visit of Sultan Seit-Ali Nur-Aliev for the Purpose of Their Returning. *Slavery: Theory and Practice*. 9(1): 3-22.
- Pochekaev, 2017 – Pochekaev, R.Yu (2017). Gubernatory i khany. Lichnostnyi faktor pravovoi politiki Rossiiskoi imperii v Tsentral'noi Azii: XVIII – nachalo XX v. [Governors and Khans. personal factors in Russian law-making in Central Asia: 18th to early 20th century]. M., 384 p. [in Russian]
- Sozina, 2016 – Sozina, E.K. (2016). Diskurs «stepnykh plennikov» v russkoi literature XIX veka [“Steppe prisoners” discourse in the Russian literature of the 19th century]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*. 1(50): 6-15. [in Russian]
- Zapiski..., 1983 – Zapiski o Bukharskom khanstve (Otchety P.I. Demezona i I.V. Vitkevicha) [Notes about the Khanate of Bukhara (The reports of P.I. Demezons and I.V. Vitkevich)]. M., 1983. 149 p. [in Russian]

Попытка обмана оренбургских властей представителем кочевой элиты: донесение имама Исмагила Уразмухаметева о его роли в вывозе подданных Российской империи из степи (1818 г.)

Артём Юрьевич Перетятко ^{a, b, *}

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ArtPeretatko@yandex.ru (А.Ю. Перетятко)

^a Черкас глобальный университет, Хьюстон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена проблемам коммуникации между оренбургскими властями и представителями элиты кочевого мира в первой половине XIX в. в контексте борьбы с рабовладением в Центральной Азии. Основным источником являются до настоящего времени не вовлекавшиеся в научный оборот донесение имама Исмагила Уразмухаметева и ответ на него Оренбургской пограничной комиссии.

В статье показано, что И. Уразмухаметев обратился к начальнику штаба Отдельного оренбургского корпуса Г.П. Веселитскому с обширным донесением, в котором подробно описывал свои заслуги по вывозу из степи подданных Российской Империи (как беглых, так и рабов) и вообще позиционировал себя как единственного лояльного Империи представителя кочевой элиты. На этом основании он просил предоставить ему целый ряд привилегий (жалование, личного муэдзина и т. д., вплоть до готовности возглавить отряд казаков для наведения порядка в степи). При этом большая часть заслуг И. Уразмухаметева даже в его интерпретации не привела к каким-либо реальным последствиям и сводилась к тому, что он безуспешно пытался помочь беглым и рабам в возврате в Россию. Исключение составлял якобы возврат им 18 человек из Бухары, однако Оренбургская пограничная комиссия обратила внимание на то, что в действительности этих людей вернул бухарский купец Н. Фаизжанов. В результате оренбургские власти пришли к выводу о том, что И. Уразмухаметев лжет, пытаясь получить привилегии от Российской империи, и ответили имаму в достаточно жесткой форме о недопустимости большинства его требований.

Архивный поиск в материалах Объединенного государственного архива Оренбургской области показал, что случай И. Уразмухаметева не является уникальным. Так, старшина Т. Ауков тоже пытался получить вознаграждение за вывод из Бухары людей, которых он в действительности не выводил. Хан Младшего Жуза Ш. Айшуаков пытался оклеветать старшину Т. Чудина за то, что тот выручил из плена русского офицера, которого желал спасти сам хан. С другой стороны, были и случаи необоснованного обвинения русскими чиновниками представителей кочевой элиты: например, некий бий Баймухаммет, участвовавший в освобождении нескольких рабов, был затем необоснованно задержан по подозрению в том, что вступил в сговор с работоторговцами, желая завязать цену за других рабов.

Все это позволяет говорить о том, что среди представителей кочевой элиты были лица, чья позиция по отношению к Российской империи была крайне своеобразной: они пытались демонстрировать ей лояльность, фактически преследуя собственные цели и не останавливаясь перед ложью и даже клеветой на соплеменников и единоверцев. В свою очередь, это усиливало ксенофобские настроения, и так распространенные среди оренбургских властей. В итоге же вся эта ситуация осложняла спасение рабов русского происхождения из степи.

Ключевые слова: рабство, Центральная Азия, Российская империя, коммуникативные практики, П.К. Эссен.